

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) — выдающийся русский писатель, историк и публицист, который не ограничивался исключительно рационалистическим объяснением исторических событий и в ряде случаев использовал так называемый прагматический взгляд на историю и историко-сравнительный метод, что поставило его произведения на уровень передовой науки того времени. «История государства Российского» в 12 томах — это не только значительный исторический труд, но и произведение, ставшее крупным явлением в русской художественной прозе.

❧ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ❧
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ

Всемиловейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хважуся ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александра сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемиловейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный Николай Карамзин.
Декабря 8, 1815.

❧ ГЛАВА I ❧

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ (1505–1509)

Василий принял державу отца, но без всяких священных обрядов, которые напомнили бы россиянам о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего уничтожения, он безжалостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей,

Василий III. Портрет из царского «Титулярника», к. XVII в.

от света солнечного в тесной, мрачной палате. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в годах цветущих, Димитрий преставился в 1509 году, быв одною из умиленных жертв лютой политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Димитрию права царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме Св. Михаила и преданного земле подле гроба родителей.

Завещание, написанное сим князем в присутствии духовника и боярина князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему

Василием как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислил все свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пудов), Дмитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том великого князя без унижения и гордости, повинуюсь судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решил важные дела в Совете бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества; менее славился воинским счастьем, более опасною для врагов хитростию; не унизил России, даже возвеличил оную и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

В августе 1506 года король Александр умер: великий князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительною грамотою ко вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих панов избрать его в короли; что разноверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать римский Закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели государь единоверный. Наумов должен был сказать то же виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивилу и всем думным вельможам. Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную для них обеих истину; и если бы его желание исполнилось, то север Европы имел бы другую историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о *древних* и *новых* границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелью одного из них; повинуюсь государю общему в духе братства, они сделались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, коими завладели россияне уже после шестилетнего перемирия. Сие требование казалось умеренным; но Василий — досадуя, может быть, что его намерение царствовать в Литве не исполнялось — хотел удержать

все оставленное ему в наследие родителем и, жалуясь, что литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения князей Стародубского и Рыльского, жгут села брянские, отнимают наши земли, послал князя Холмского и боярина Якова Захаревича воевать Смоленскую область.

Никто из вельмож не был в Литве столь знатен, силен, богат поместьями, щедр к услужникам и страшен для неприятелей, как Михаил Глинский, коего род происходил от одного князя татарского, выехавшего из Орды к Витовту. Воспитанный в Германии, Михаил заимствовал обычаи немецкие, долго служил Альбрехту Саксонскому, императору Максимилиану в Италии; славился храбростью, умом и, возвратясь в отечество, снискал милость Александрову, так что сей государь обходился с ним как с другом, поверяя ему все тайны сердечные. Глинский оправдывал сию любовь и доверенность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрым нашествием привело Литву в трепет; когда Александр, лежащий на смертном одре почти в виду неприятеля, требовал усердной защиты от вельмож и народа: Глинский сел на коня, собрал воинов и славнейшею победою утешил короля в последние минуты его жизни. Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла им уста: говорили, что он мыслил овладеть престолом и не хотел присягать Сигизмунду. Всех более ненавидел и злословил его вельможа Забрезенский. Михаил неотступно убеждал нового короля быть судьей между ними. Сигизмунд медлил, доброхотствуя неприятелям Глинского, который вышел наконец из терпения и сказал ему: «Государь! Мы оба, ты и я, будем раскаиваться; но поздно». Он вместе с братьями Иваном и Василием уехал в свой город Туров; призвал к себе родственников, друзей; требовал полного удовлетворения от Сигизмунда и назначил срок. Слух о том достиг Москвы, где знали все, что в Литве происходило: государь угадал тайную мысль Михаилову и послал к нему умного дьяка, предлагая всем трем Глинским защиту России, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали решительного королевского ответа: не получив его, торжественно объявили себя слугами государя Московского.

Утвердив спокойствие России, Василий решил судьбу древнего, знаменитого Пскова. Какое-то особенное снисхождение Иоанново позволило сей республике пережить Новгородскую, еще иметь вид народного правления и хвалиться тению свободы: могла ли уцелеть она в системе общего самодержавия? Пример Новгорода ужасал псковитян; но, лаская себя свойственною людям надеждою, они так рассуждали: «Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере доле наслаждаться оным». Сии мысли были основанием их политики. Когда наместники великокняжеские действовали незаконно, псковитяне жаловались государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя князя Ярослава, они снова приняли его

к себе наместником: ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение. Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал и легко нашел предлог. Хотя псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие новгородцы, однако ж подобно всем республикам имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один посадник лишился жизни, а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство, что они всегда считались данниками и работниками последних. Иоанн обвинил самовольство веча: псковитяне едва смягчили его гнев молением и дарами. При Василии управлял ими в сане наместника князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, не любимый народом: питая несогласие между старшими и младшими гражданами, он жаловался на их строптивость и в особенности на главных чиновников, которые будто бы вмешивались в его права и суды. Сего было довольно для Василия.

Осенью в 1509 году он поехал в Новгород.

Б. А. Чориков. Торжество Василия III во Пскове

Здесь летописец псковский укоряет своих правителей в неосторожности: они письменно дали знать по всем волостям, чтобы недовольные наместником ехали судиться к великому князю. Сыскалось их множество; немало и таких, которые поехали жаловаться государю друг на друга, и между ними были знатные люди, первые чиновники. Сие обстоятельство предвещало Пскову судьбу Новгорода, где внутренние несогласия и ссоры заставили граждан искать великокняжеского правосудия и служили Иоанну одним из способов к уничтожению их вольности. Василий именно требовал к себе посадников для очной ставки с князем Оболенским, велел написать к вечу, что если они не явятся, то *вся земля будет виновата*. Псковитяне содрогнулись: в первый раз представилась им мысль, что для них готовится удар. Никто не смел ослушаться: девять посадников и купеческие старосты всех рядов отправились в Новгород. Василий приказал им ждать суда и назначил сроком 6 января [1510 г.].

В сей день, то есть в праздник Крещения, великий князь, окруженный боярами и воеводами, слушал обедню в церкви Софийской и ходил за крестами на реку Волхов, где епископ коломенский Митрофан святил воду: ибо Новгород не имел тогда архиепископа. Там вельможи московские объявили псковитянам, чтобы все они шли в архиерейский дом к государю: чиновников, бояр, купцов ввели в палату; младших граждан остановили на дворе. Они готовились к суду с наместником; но тяжба их была уже тайно решена Василием. Думные великокняжеские бояре вышли к ним и сказали: «*Вы поиманы Богом и государем Василием Иоанновичем*». Знатных псковитян заключили в архиепископском доме, а младших граждан, переписав, отдали новгородским боярским детям под стражу.

Один купец псковский ехал тогда в Новгород: узнав дорогою о сем происшествии, он бросил свой товар и спешил известить сограждан, что их посадники и все именитые люди в темнице. Ужас объял псковитян. «От трепета и печали, — говорит летописец, — засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствия, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаянии». Собралось вече. Народ думал, что ему делать: *ставить ли щит против государя? Затвориться ли в городе?* «Но война, — рассуждали они, — будет для нас беззаконием и конечною гибелию. Успех невозможен, когда слабость идет на силу. И всех нас немного: что же сделаем теперь без посадников и лучших людей, которые сидят в Новгороде?» Решились послать гонца к великому князю с такими словами: «Бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, *неотступны* и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине».

Видя смирение псковитян, государь велел снова привести всех задержанных чиновников в архиепископскую палату и выслал к ним бояр, князя Александра Ростовского, Григория Федоровича, конюшого Ивана Андреевича Челяднина, окольничего князя Петра Шуйского, казначея Дмитрия Владимировича, дьяков

Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василий, Божиею милостию царь и государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы *держали имя наше честно и грозно*, а наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете наместника, вступаете в его суды и пошщины. Еще сведали мы, что ваши посадники и судьи земские не дают истинной управы, теснят, обижают народ. Итак, вы заслужили *великую опалу*. Но хотим теперь изъяснить милость, если исполните нашу волю: уничтожьте вече и примете к себе государевых наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться Святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то *будем делать свое дело* с Божиею помощью, и кровь христианская взыщется на мятежниках, которые презирают государево жалованье и не творят его воли». Псковитяне благодарили и в присутствии великокняжеских бояр целовали крест с клятвою служить верно монарху России, его детям, наследникам до конца мира. Василий, пригласив их к себе на обед, сказал им, что вместо рати шлет во Псков дьяка своего Третьяка Долматова и что они сами могут писать к согражданам. Знатный купец Онисим Манушин поехал с грамотою от чиновников, бояр и всех бывших в Новгороде псковитян к их народу. Они писали: «Пред лицом государя мы единомысленно дали ему *крепкое слово своими душами* за себя и за вас, братья, исполнить его приказание. Не сделайте нас преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что великий князь в гневе и в ярости устремит на вас многочисленное воинство: мы погибнем и вы погибнете в кровопролитии. Решитесь немедленно: последний срок есть 16 января».

Долматов явился в собрании граждан псковских, сказал им поклон от великого князя и требовал его именем, чтобы они, если хотят жить *по старине*, исполнили *две воли государевы*: отменили вече, сняли колокол оного и во все города свои приняли великокняжеских наместников. Посол заключил речь свою тем, что или сам государь будет у них, добрых подданных, мирным гостем, или пришлет к ним воинство смирить мятежников. Сказав, Долматов сел на ступени вече и долго ждал ответа: ибо граждане не могли говорить от слез и рыдания; наконец просили его дать им время на размышление до следующего утра. Сей день и сия ночь были

Русский воин.

Рисунок из «Записок о Московии»
С. Герберштейна, 1556 г.

ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести. На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга, как в последний час жизни. Столь велика любовь граждан к древним уставам свободы! Уже давно псковитяне зависели от государя московского в делах внешней политики и признавали в нем судию верховного; но государь дотоле уважал их законы, и наместники его судили согласно с оными; власть законодательная принадлежала вечу, и многие тяжбы решились народными чиновниками, особенно в пригородах: одно избрание сих чиновников уже льстило народу. Василий уничтожением веча искоренял все старое древо самобытного гражданства псковского, хотя и поврежденное, однако ж еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народ более сетовал, нежели советовался: необходимость уступить являлась всякому с доказательствами неопровержимыми. Слышны были речи смелые, но без дерзости. Последние торжественные минуты издыхающей свободы благоприятствуют великодушию; но рассудок уже обуздывает сердце. На рассвете ударили в вечевой колокол: сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собрались. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали: «Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали великим князьям в верности: клялися непреложно иметь их своими государями, не соединяться с Литвою и с немцами; а в случае измены подвергали себя гневу Божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплеменников. Но сей крестный обет был взаимным: великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику. Ныне волен Бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе! По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на великого князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!» 13 января граждане сняли вечевой колокол у Святой Троицы и, смотря на него, долго плакали о своей *старине и воле*.

Долматов в ту же ночь поехал к государю с сим древним колоколом и с донесением, что псковитяне уже не имеют веча. То же объявили ему и послы их. Он немедленно отправил к ним бояр с воинскою дружиною обязать присягою граждан и сельских жителей; велел очистить для себя двор наместников, а для вельмож своих, дьяков и многочисленных телохранителей так называемый город Средний, откуда надлежало перевести всех жителей в Большой город, и 20 января выехал туда сам с братом, зятем, царем Летифом, епископом коломенским, князем Даниилом Щенею, боярином Давыдовым и Михаилом Глинским. Псковитяне шли к нему навстречу: им приказано было остановиться в двух верстах от города. Увидев государя, все они пали ниц. Великий князь спросил у них о здравии. «Лишь бы ты, государь, здравствовал!» — ответствовали старейшины. Народ

безмолвствовал. Епископ коломенский опередил великого князя, чтобы вместе с духовенством псковским встретить его перед стеною Довмонтовою. Василий сошел с коня и за крестами вступил в церковь Св. Троицы, где епископ, отпев молебен, возгласил ему многолетие и, благословляя великого князя, громко произнес: «Слава Всевышнему, Который дал тебе Псков без войны!» Тут граждане, бывшие в церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! Мы не чужие; мы искони служили твоим предкам». В сей день, января 24, Василий обедал с епископом коломенским, с архимандритом симоновским Варлаамом, с боярами и воеводами; а в воскресенье, января 27, приказал собраться псковитянам на дворе своем. К ним вышел окольный князь Петр Шуйский: держа в руке список, он перекликал всех чиновников, бояр, старост, купцов, людей житых и велел им идти в большую Судебную избу, куда государь, сидя с думными вельможами в передней избе, прислал князя Александра Ростовского, конюшего Челяднина, Шуйского, казначея Дмитрия Владимировича, дьяков Долматова, Мисюрю и других. Они говорили так: «Знатные псковитяне! Великий князь, Божию милостию царь и государь всяя Руси, объявляет вам свое жалованье; не хочет вступаться в вашу собственность: пользуйтесь ею ныне и всегда. Но здесь не можете остаться: ибо вы утесняли народ, и многие, обиженные вами, требовали государева правосудия. Возьмите жен и детей, идите в землю Московскую и там благоденствуйте милостию великого князя». Их всех, изумленных горестию, отдали на руки детям боярским; и в ту же ночь увезли в Москву 300 семейств, в числе коих находились и жены бывших под стражею в Новгороде псковитян. Они могли взять с собою только малую часть своего достояния, но жалели единственно отчины. Других, средних и младших граждан, отпустили в дома с уверением, что им не будет *развода*; но ужас господствовал и плач не умолкал во Пскове. Многие, не веря обещанию и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родине.

Государь велел быть наместниками во Пскове боярину Григорию Федоровичу Давыдову и конюшему Челяднину, а дьяку Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому ямские; определил воевод, тиунов и старост в пригороды; оставил новый

Василий III ставит в Псков наместниками Г. Ф. Давыдова и И. А. Челяднина. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвестную в земле Псковской, где купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздал деревни сосланных псковитян московским боярам; вывел всех граждан из Застенья, или Среднего города, где находилось 1500 дворов; указал там жить одним государевым чиновникам, боярским детям и москвитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь Святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, все устроив в течение месяца, оставив наместникам тысячу боярских детей и 500 новгородских пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправили за ним и вечевой колокол. В замену убылых граждан триста семейств купеческих из десяти низовых городов были переселены во Псков.

«Так, — говорит летописец Ольгиной родины, — исчезла слава Пскова, плененного не иноверными, но своими братьями христианами. О град, некогда великий! Ты сетуешь в опустении. Прилетел на тебя орел многокрылый с когтями львиными, вырвал из недр твоих три кедр Ливанские: похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища или заметал дрязгом; увлек наших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы их, ни деды, ни прадеды!»

Более шести веков Псков, основанный славянами-кривичами, имел свои гражданские уставы, любил оные, не знал и не хотел знать лучших; был *вторым Новгородом*, называясь его *меньшим братом*, ибо вначале составлял с ним одну державу и до конца одну епархию, подобно ему бедный в дарах природы, деятельною торговлею снискал богатство, а долговременную связь с немцами художества и вежливость; уступая ему в древней славе побед и завоеваний отдаленных, долее его хранил дух воинский, питаемый частыми бранями с Ливонским орденом. Как в семействах, так и в гражданских обществах видим иногда наследственные добродетели: Псков отличался благоразумием, справедливостью, верностью; не изменял России, угадывал судьбу ее, держался великих князей, желал отвратить гибель новгородской вольности, тесно связанной с его собственной; прощал сему завистливому народу обиды и досады; будучи осторожен, являл и смелую отважность великодушия, например, в защите Александра Тверского, гонимого ханом и государем московским; сделался жертвою неперменного рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих новгородских братьев. Сии две народные державы сходствовали во всех их учреждениях и законах; но псковитяне имели особенную степень гражданскую, так называемых *детей посадничьих*, ставя их выше купцов и житейских людей: следственно, изъявляли еще более уважения к сану посадников, дав их роду наследственную знатность.

Великий князь хотел сделать удовольствие псковитянам и выбрал из них 12 старост, чтобы они вместе с московскими наместниками и тиунами судили

в их бывших двенадцати пригородах по изданной им тогда Уставной грамоте. Но сии старосты не могли обуздывать хищности сановников великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами граждан и земледельцев, не внимали справедливым жалобам и казнили за оные, так что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие дома во Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда. «Мы одни остались, — прибавляет летописец, — смотрели на землю: она не расступалась; смотрели на небо: нельзя было лететь вверх без крыльев». Узнав о корыстолюбии наместников, государь сменил их и прислал достойнейших, князей Петра Шуйского и Симеона Курбского, мужей правосудных, человеколюбивых: они успокоили граждан и народ; беглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалеть о своих древних уставах, но престали жаловаться. С сего времени они, как и все другие россияне, должны были посылать войско на службу государеву.

Так Василий употребил первые четыре года своего правления, страхом оружия, без побед, но не без славы умирив Россию, доказав *наследственное могущество* ее государей для неприятеля внешнего и непременную волю их быть внутри самодержавными.

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА (1510–1521)

Недолго Россия и Литва могли наслаждаться миром: через несколько месяцев по заключении одного возобновились взаимные досады, упреки; обвиняли друг друга в неисполнении договора, подозревали в неприятельских замыслах; между тем хотели удалить войну. Сигизмунд жаловался, что мы освободили не всех пленников и что наместники московские не дают управы его подданным, у коих россияне вопреки миру отнимают земли. Василий доказывал, что и наши пленники не все возвратились из Литвы; что король, отпустив московских купцов, удержал их товары; что сами литовцы делают несносные обиды россиянам. Несколько раз предлагали с обеих сторон выслать общих судей на границу; соглашались, назначали время: но те или другие не являлись к сроку. Беспрепятственно отпустив Глинских, Сигиз-